

архимандрит Рафаил (Карелин)

ХРИСТИАНСТВО И МОДЕРНИЗМ

архимандрит Рафаил Карелин

Христианство и модернизм

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154576

Христианство и модернизм / Архимандрит Рафаил (Карелин):

Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; Москва; 2010

ISBN 978-5-7789-0060-8

Аннотация

Беседы и статьи архимандрита Рафаила (Карелина), составившие эту книгу, – плод внимательной духовной жизни, результат размышлений о происходящих в современном мире и Церкви процессах, их анализ, поиск и указание того единственного пути, которым и в наши дни, как и тысячу лет назад, должен идти стремящийся ко спасению христианин.

Содержание

От издательства	5
Глава 1	11
Что такое вера	11
Изгнание Адама из рая	20
О молитве	32
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Архимандрит
Рафаил (Карелин)**

Христианство и модернизм

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Рус-
ской Православной Церкви*

От издательства

«Мы живем в **сложное** время», – говорит автор этой книги архимандрит Рафаил. И с этим трудно не согласиться. **Сложное** – потому, что мир, окружающий нас, переживает стремительные перемены; мы слышим о «новом порядке» и всеобщем благоденствии, которые должны вот-вот воцариться в нем, но видим вопиющую несправедливость, льющуюся кровь и страдания невинных людей.

Сложное – потому, что в этом мире очень трудно стало жить православному христианину, да и не только христианину, но и любому человеку, обладающему определенными нравственными ценностями и желающему их сохранить. Соблазны вокруг нас умножились и умножаются, превращаясь в общий и, пожалуй, преобладающий фон нашей жизни. Их стало так много, что порой кажется, будто вся современная действительность из них одних и состоит. Примеров же благочестия и праведности – напротив, все меньше и меньше; по крайней мере, они настолько сокровенны от глаз людских, что в мире, в общественной жизни их, можно сказать, попросту нет.

Сложное – потому, что мир с его неутолимой жадой к изменениям и реформам ломится в двери Церкви, врывается в нее, стремится и здесь все повернуть и поставить по-своему, «по-новому», по-мирскому. И это действительно страш-

но. Страшно не за Церковь, ибо ее врата адовы не одолеют (Мф. 16:18), она, как есть, так и пребудет столпом и утверждением истины (1Тим. 3:15), но страшно за людей, которые в этой истине еще не утвердились.

Время социальных и политических потрясений, мировых катаклизмов и катастроф всегда было временем восстания мира (а в лице его – врага рода человеческого, дьявола) на Церковь. Признаки его таковы: усиливаются «либеральные» течения, поднимаются разговоры о необходимости изменения (облегчения) Церковного Устава, перехода на новый календарь (то есть – на так называемый «новый стиль»), перевода служб с богослужебного на современные языки. Следующий этап – отрицание в Церкви института монашества, попытки введения женатого епископата. Все это вкуче и есть то, что сегодня в Православии принято называть словом «модернизм» – в самом негативном его значении.

Трудно в такую пору приходится человеку, не укорененному основательно в православной церковной традиции, не впитавшему в себя дух церковной жизни с младенческих лет. Разнообразные «мнения» и «веяния» колеблют неутвержденную душу, посевают сомнения – плевелы лукавого – то в одной, то в другой спасительной истине, сбивают с толку, сводят со спасительного пути покаянного делания. Прозревающий это из глубины веков Апостол говорит в своем Послании, адресованном Тимофею, но предназначенном по своей сути всем православным христианам: *Держись образ-*

ца здравого учения, которое ты слышал от меня (2Тим. 1:13) и прибавляет в другом месте: *ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням* (2Тим. 4:3–4). Поэтому держаться того учения Церкви, которое принято и освящено равно и святыми Отцами древности, и праведниками последних времен, сегодня, как никогда, необходимо каждому, желающему спасти свою душу.

Наверное, как нельзя более остро понимает это о. Рафаил – оттого и стремится он, исполняя завещание апостольское, проповедовать слово, настоять во время и не во время, обличать, запрещать, увещевать со всяким долготерпением и назиданием (2Тим. 4:2). Его беседы и статьи, составившие эту книгу, – плод внимательной духовной жизни, результат размышлений о происходящих в современном мире и Церкви процессах, их анализ, поиск и указание того единственного пути, которым и в наши дни, как и тысячу лет назад, должен идти стремящийся ко спасению христианин.

По своему содержанию книга эта неоднородна, разнопланова – так же, как много планов имеет и человеческая жизнь. И поэтому она, скорее всего, нуждается в том, чтобы сказать о ней поподробнее. Отчего человек верит и отчего не верит? Почему выбирает верную погибель, когда перед ним открыт путь ко спасению? Что есть невидимый мир духов

злости и какова причина их вражды против нас? Почему величайшим сокровищем, которым может обогатиться человек в этой жизни, является молитва? – Вот некоторые из тех вопросов, на которые о. Рафаил стремится ответить в I части книги.

Во II он говорит о праздниках Церкви, об образе Неба на Земле, о сияющей славе святых и их близости к нам. И здесь особенно стоит отметить его статью «Икона “Слава Грузинской Католикоской Церкви”» – настоящую поэму, написанную языком, близким к литургическому, вобравшую в себя – в избранных ее моментах – всю историю Церкви многострадальной Иверской земли. Той земли, где о. Рафаил живет, где он служит Богу и людям, где произносит свои проповеди и беседы. Почему мы выделяем именно эту статью, почему такой исключительный интерес для нас, жителей России, должна представлять история Грузинской Церкви – пусть даже талантливо и ярко написанная? Потому, что в ней – образ того, как может и как должен любить Церковь христианин – любить, как прекрасную и мудрую Мать, восхищаться ею, от всего сердца своего воспевать ее, стремиться узнать все о долгой и славной ее жизни. И в ней же – напоминание о том, что все национальные, территориальные, исторические или политические разделения искусственны, привнесены людьми, а Церковь – едина. Едина – в благодати, в своих святых (ведь самый почитаемый святой в той же Грузии – это даже не царица Тамара, но полководец из римского войска,

родом каппадокиец – святой великомученик Георгий Победоносец), в Таинствах и обрядах, в вере, надежде и любви людей, а прежде всего – в Главе ее, Господе Иисусе Христе.

III часть, наиболее обширная, посвящена проблемам современности – непосредственно тому, что можно назвать модернизмом или, как говорит сам автор, – секуляризацией Церкви. Каковы виды агрессии мира против Церкви, что можно противопоставить им? – вопрос, который нашел свое отражение в помещенных в этой части статьях. Стремление к переходу на новый стиль, реформе языка церковного Богослужения, «модернизации» иконописи, такие явления, как фанатизм и сознание «национальной исключительности» и многое, многое другое, о чем говорят и что по-настоящему важно, – как относиться ко всему этому верующему православному человеку, как избежать крайностей и заблуждений? – Об этом о. Рафаил говорит здесь.

В IV же, последней части он пишет о том, что становится в окружающей нас жизни следствием если не безверия, то – неправильного выбора духовных ориентиров, желания войти в духовную жизнь не путем покаяния, а с «черного хода» – через приобщение к «тайным», «сокровенным» знаниям, неким загадочным мистериям. Оккультизм и явный демонизм – вот во что вырождается модернизм на крайней точке своего последовательного развития. И это – закономерный итог стремления мира не самому измениться, преобразиться, воцерковиться, наконец, но Церковь (а вернее –

то, что он строит вместо нее) изменить, переустроить в угоду своим разнообразным прихотям и страстям...

Безусловно, на многое – и в окружающей его реальности, и в самом себе – по прочтении этой книги человек взглянет по-другому; возможно, что для него разрешатся многие недоумения, на многие свои вопросы он получит ответ. Но еще важнее то, что в ней он увидит, узнает образец того **здорового учения**, которое преподавали своим ученикам Апостолы и которое есть и останется учением Церкви во все времена.

Глава 1

Что такое вера

Этот вопрос корнями своими уходит в христианскую антропологию. Что такое человек? Чем отличается он от других существ? Здесь, на земле, мы встречаем многообразные формы и проявления жизни, но между человеком и любым иным существом – неизмеримая пропасть. Что за тайна – человек? Мы видим, что по своему телесному составу человек похож на другие существа, и в то же время он – великая тайна. Человек принадлежит не только земле, он принадлежит и вечности. И эту тайну он осознает сам. С одной стороны, человек является предметом этого мира, обусловленным его законами. С другой – человек чувствует себя свободным существом, самоопределяющейся личностью.

Священное Писание открывает нам эту тайну. Господь творит человека из земли и в то же время вдыхает в него нечто иное, Божественное, неземное, что называется в Биб-

лии «дыханием жизни». Это – душа человека. В душе отпечатлевается образ Божий. Он – как бы тень Божества на земле. В самом создании человека, который стоит на грани двух миров – вещественного и духовного, в самой душе человека, являющегося отражением и образом Божества, заключается тайна его внутренней свободы.

Почему люди по-разному реагируют на призыв Божественной благодати? Почему одни готовы посвятить всю свою жизнь Богу, другие равнодушны к религии, а третьи относятся к ней с презрением и даже с ненавистью? Почему многие из атеистов не просто отвергают религию как неприемлемую для них философскую систему, но и ненавидят Христа как своего личного врага? Это тоже тайна, тайна человеческого сердца.

Все, что делает и о чем думает человек, все его желания, внутренние стремления и порывы, все его дела и слова никогда не проходят без следа. Есть такой духовный закон: «Ничто не проходит бесследно». У нас есть две памяти: память ума и память сердца. Человеческий ум, память рассудка не может удержать той информации, внутренней и внешней, которую получает человек. Поэтому у рассудочной памяти есть спасительная способность – забывать. Если бы человек не умел забывать, он бы попросту не смог существовать, был бы подавлен потоком информации. Но у него есть другая память. Это – память сердца, которая в закодированном виде содержит всю его жизнь – и внешнюю, и внутреннюю. Все от-

печатлеваются там. Любые образы, ощущения, желания, намерения, поступки, – все это в зашифрованном, закодированном виде остается в глубинах человеческого сердца.

Сердце у святых Отцов называется «книгой совести». На Страшном Суде человек увидит всю свою жизнь именно потому, что книга его сердечной памяти будет раскрыта и расшифрована. Он увидит всю свою жизнь, всего себя от рождения до смерти, во всей своей наготе – духовной наготе. Сердце является той точкой, где суммируется все, что успел сделать, сказать, помыслить или только почувствовать человек в этой жизни. Оно может стать тем таинственным полем, где человек встречается с Богом, и в то же время человеческое сердце может внутренним своим голосом сказать Боже-ству: «Нет, я не хочу Тебя знать». Христос в «Апокалипсисе» сравнивает Себя со странником, стоящим перед закрытой дверью. Странник стучит в эту дверь. Хозяин может открыть ее или не открывать – в ответ на этот таинственный стук Божества. Христос говорит: *Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему*, то есть «Я войду в его душу Своею благодатью». *Буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3:20), то есть «Я разделю с ним радость». Какая это радость? Это – встреча и соединение человека со Христом, это насыщение человека Духом Святым. У каждого из нас есть право сказать Богу: «хочу» или «не хочу». Господь дал человеку свободную волю. Она есть великий и страшный дар, величие человека и вместе с тем огромная ответствен-

ность, которой большинство людей не осознает.

Мы недоумеваем: почему человеческие души по-разному отвечают Богу? – Потому, что у человеческого сердца бывает разное содержание. Самое главное препятствие к тому, чтобы услышать голос Христа и последовать за Ним, – это духовная гордыня. Духовная гордыня страшнее, чем все человеческие страсти. Духовная гордыня – это всецелая надежда лишь на самого себя, на свои внутренние силы. Духовная гордыня – это отвержение помощи Божией. Человек как бы говорит: «Я не нуждаюсь ни в ком, я сам – источник своих собственных сил, своего спасения». Поэтому духовная гордыня заставляет человека видеть себя центром своего собственного бытия: Бог ему не нужен. И если даже гордый человек исповедует какую-нибудь религию, то она всегда остается для него только лишь внешней формой. А на самом деле у него другая религия – эгоизм; то есть он стал богом сам для себя.

Многие внешне весьма честные и порядочные люди, не лишённые при том, как кажется, и иных добродетелей, оказываются неверующими. И мы снова задаем себе вопрос: почему? Если бы эти люди жили грубыми чувственными страстями, то религия мешала бы им удовлетворять их низменные желания. Но мы иногда видим людей как будто бы нравственных и в то же время безразличных к религии. Как это объяснить? Дело в том, что у них в душе нет самого главного – реального видения себя, своей тварной ограниченно-

сти и своего внутреннего падения. У них нет потребности в другой, высшей силе, способной их преобразить, воссоздать и спасти, они просто не чувствуют, не видят своей болезни. И оттого для этих людей Бог совершенно чужд. Некоторые из них несколько расширяют сферу своего эгоцентризма, как бы включая в нее общество других людей. Они говорят: «Для нас религия – это любовь к человечеству, для нас бог – это само человечество». Выразителем такой странной религии был Фейербах, которого широко использовал Маркс (хотя он и бранил Фейербаха). Но что это такое – «человечество»? Человечество представляет из себя, в конце концов, сумму таких же несовершенных созданий, как и один человек. Сумма несовершенного не может быть совершенна. Сумма ограниченного не может быть безгранична. Поэтому «религия человечества», на самом деле, есть та же религия эгоцентризма...

Итак, первым препятствием, мешающим человеку услышать голос Божий, является духовная гордость, которая стоит, как огромная стена, между душой и Божеством. Однако нередко эту стену разбивают страдания и потрясения. В период трагедий и катастроф у многих людей пробуждается религиозное чувство. Падают и разбиваются те идолы, которых они создали сами и которыми хотели заменить Бога. Впрочем, это происходит далеко не всегда и не со всеми. Некоторых страдания и потрясения, наоборот, озлобляют и ожесточают.

Второе препятствие, которое стоит между душой и Богом, — это погруженность в мирскую жизнь, ее абсолютизирование, то есть всецелая, без остатка, отдача себя мирской культуре, погружение во все ее сложнейшие проблемы. У человека как бы не хватает времени взглянуть на небо, он или похож на вечно суетящегося муравья, или вполне удовлетворяется теми видами душевных наслаждений, которые ему могут обеспечить искусство, наука и т. п. Иными словами, человек всецело обращен к душевным ценностям этого мира и не подозревает о существовании других — духовных.

В сущности говоря, человеческое искусство, литература и поэзия — это в значительной своей части стихия человеческих страстей, только очень утонченных, где зло проявляется под видом добра, а грубые пороки опоэтизированы и носят привлекательный вид. Поэтому редко кто из писателей и поэтов был действительно религиозным человеком. Увлечение мирским искусством, полная включенность в мирскую проблематику отрывает, отсекает человека от вечности. В шуме земли он уже не слышит тихого голоса духа. Затем, само по себе, искусство возбуждает и развивает человеческое воображение и фантазию. А воображение и фантазия плотной пеленой закрывают от нас наше сердце. Человек, пребывающий в плену своих грез и мечтаний, живет в ложном, созданном им самим мире, в котором присутствуют демонические силы. Ему кажется, что он живет духовной жизнью, а на самом деле это жизнь внешняя; сердце его остается неочи-

ценным, невозрожденным.

Бог – Он открывается человеку как доселе неведомая, внутренняя духовная жизнь. Чистая душа ощущает Бога не как силу, идущую извне, и не как силу, которая потенциально существовала в ней самой, а как включение в совершенно иное, новое бытие. У людей с несвободным сердцем, ставших пленниками этого мира, постепенно заглушается, как бы атрофируется способность воспринимать волны, идущие из вечности. В Библии есть слова: *Упразднитесь и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45:11). Это значит, что человек должен уметь отключаться от всего мирского, подниматься мыслью над земным, искать другого бытия за пределами материального и душевного мира. Он должен упраздниться от его образов и страстей для того, чтоб почувствовать дыхание Божества. У человека, погруженного в чувственность, Божий призыв иногда вызывает озлобление. Ему кажется, что религия хочет лишить его тех радостей, которые дает само здешнее бытие, что религия взамен реальных ощущений и наслаждений (как бы они ни были кратковременны и обманчивы) ничего не даст, кроме несбыточных обещаний. И поэтому те миролюбцы, те люди, которые всем сердцем своим привязаны к миру, обычно относятся к религии или с холодным равнодушием, или же с затаенной в сердце ненавистью.

И, наконец, третье. Это – страсти, от которых человек не хочет освободиться. Религия требует от него аскетизма, религия требует изменения. Тот, кто стал пленником своих

собственных страстей, должен психологически уверить себя, что нет ни вечной жизни, ни ответственности за совершаемые дела, ни будущего воздаяния. Поэтому человек, погруженный в чувственные страсти, постоянно внутренне убеждает себя, что вечности не существует: она его просто не устраивает; он убеждает себя в этом, чтобы спокойно предаваться своим страстям. Это третья причина, по которой человеческое сердце отвергает Бога.

Бывает отвержение волевое, но бывает отвержение из-за незнания, когда у человека искусственно создали определенные атеистические комплексы. Тогда он имеет дело не с религией, а со своим карикатурным представлением о ней и, значит, отвергает не Бога, а ту карикатуру, которую ему с детства показывают как модель религии. Этот вид неверия легче всего разрушается при серьезном ознакомлении с христианской религией как с мировоззрением и с верой как с метафизическим феноменом.

И все-таки опять возникает вопрос: что такое вера и почему человек верит? Верит человек потому, что он – образ и подобие Божие. Между Первообразом и образом существует связь. Эта связь называется симпатической. Уже в самом человеке вера потенциально заложена как возможность, так что она присуща нам; однако, это – не та способность, которую человек может развить сам по себе. Вера оживает только при воздействии Божественной благодати. Поэтому она есть синергия, то есть соединение двух волей – Божественной

и человеческой. Вера является подвигом человеческого духа и проявлением его способности верить и не верить, развить или заглушить это чувство. Но, с другой стороны, вера всегда является для человека Божиим даром, потому что без благодати Божией она остается только лишь потенцией человеческой души. Почему человек верит и не верит? Верит – когда его воля подчиняется Божественной благодати, верит, когда ищет Бога (может быть, даже подсознательно), и в глубинах человеческого сердца происходит эта дивная встреча. Не верит – когда сердце его замыкается перед благодатью. Есть такие растения, которые закрываются листьями от самого легкого прикосновения. Так и сердце неверующего человека закрывается, когда чувствует прикосновение благодати. Оно не хочет ее, благодать ему чужда.

Изгнание Адама из рая

Почему нам необходимо покаяние? Почему покаяние должно сопровождать христианина от начала его сознательного возраста, от вступления на путь духовной жизни до самой смерти?

Воскресный день перед святой Четыредесятницей называется «Воспоминание Адамова изгнания». Остановимся на этом ключевом, важнейшем библейском событии, на катастрофическом падении всего человечества в лице Адама.

В первом стихе первой книги Библии написано: ***В начале сотворил Бог небо и землю*** (Быт. 1:1). Небо, ангельский мир, было создано мгновенно; вещественно-материальный мир был сотворен в несколько периодов. Святые Отцы видят в порядке создания мира идею восхождения от низшего, несовершенного к более совершенному. На шестой день творения космоса Господь создал человека – венец видимого мира. Человек является представителем, по выражению преподобного Максима Исповедника, ипостасью двух миров – духовного и материального, невидимого и видимого, в нем

закладаются небо и земля. Господь сотворил тело человека из земли (все элементы, присущие космосу, находятся в теле человека), а затем вдохнул в него душу, сделал его ангелоподобным. И потому человек – это прежде всего дух, облеченный в плоть. На человеке лежала задача огромной ответственности. Он был сотворен для величайшей миссии, для интеграции всего видимого мира и соединения его с миром невидимым, то есть через человека должно было происходить одухотворение и преображение всего космоса.

Затем Господь творит Еву, творит из ребра Адама. Этот акт творения, эта величайшая тайна стала мишенью для едких насмешек и шуток со стороны людей, лишенных религиозного чувства и глубины мистического мышления. Однако, если мы задумаемся в акт творения женщины, то увидим здесь проявление великой Божественной мудрости. Если бы Ева была сотворена, как Ангел, из ничего или, как Адам, из земли, то человечество имело бы два начала: оно было бы не единством, а сложением, соединением; у человека не было бы одного начала, одного представителя. А теперь началом человечества является Адам, как некий источник, в котором потенциально заключаются все люди, которые будут жить на земле до скончания мира, источник, изливающий неиссякающую струю воды – поколение за поколением. Поэтому благословение, данное Адаму, распространяется на весь человеческий род. Но и то страшное потрясение, то греховное падение, та духовная деформация, которые испытала личность

Адама, также переходят как некая болезнь на все человечество.

Некоторые из Отцов видят в творении Евы определенный нравственный смысл. Это – близость мужчины и женщины, близость через чувство любви. Как ребро близко к сердцу человека, так мужчина и женщина в мистическом плане близки друг другу.

Господь дает Адаму во владение всю землю. В Библии под словом «земля» часто подразумевается не только наша планета, но и весь вещественный и видимый мир. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что заповедание «владейте землей» (Быт. 1:28) является свидетельством одного из свойств Богоподобия человека. Свойства Божественного образа – бессмертие, духовность, разумность, чувство любви и т. д. Подобие – это свободная воля, возможность выбора мотивов, внутренняя автономия. Это то, что делает личность человека неразложимой духовной монадой. В самом творении человека по библейскому повествованию мы видим глубокое отличие библейского учения от учений пантеистических. Человек – образ Божий. Основной догмат пантеизма в том, что человек – это существо, единосущное с Богом. Отсюда другое направление пантеистической мистики, аскетики, пантеистического мироощущения. Для пантеистов человек – это Бог, забывший о своей божественности. Для христианина человек – это образ и подобие Божие, это явление вечности и бесконечная потенциальная возможность образа

восходить к своему Первообразу, к своему Творцу.

Библия говорит о двух деревьях в раю – древе жизни и древе познания добра и зла. Питаясь плодами дерева жизни, человек получал бессмертие. Древо познания добра и зла являлось деревом, через которое должно было определиться отношение Адама к Богу: или гармония человеческой воли с Божественной через послушание, или отпадение человека от Бога через непослушание. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Некоторые говорят: “Почему Господь дал такую заповедь – не вкушать плода от дерева, разве он не мог дать другую, более высокую?” А какую? Не прелюбодействуй? Но с кем мог прелюбодействовать Адам? Не убей? Но кого он мог убивать? Не кради? Но все было его». И поэтому Господь дал заповедь не только как пробный камень любви Адама к Нему, но и как возможность совершенствоваться в послушании воле Божией.

Некоторые Отцы, в том числе святитель Григорий Назианзин, приоткрывают нам некую тайну. Библейское слово имеет, кроме буквального, символический, духовный смысл. Он не входит в противоречия, не отрицает буквального смысла, но углубляет, дает новые емкости библейскому повествованию, открывает перед нами новые горизонты. И вот Григорий Назианзин пишет: «По моему мнению, древо познания добра и зла было деревом высшего созерцания». Человек должен был подходить к созерцанию и к Боговидению постепенно, через Богообщение. Древо жизни и было деревом

Богообщения. Ибо истинная жизнь людей заключалась в общении с Богом, являлась непрерывным преодолением тварной ограниченности через приобщение к жизни абсолютной и Божественной. Богообщение давало истинное Боговидение, но для созерцания нужен был непрерывный путь духовного совершенствования. Адам же был сотворен чистым, невинным, но – несовершенным, ему предстоял путь духовного восхождения. Однако он, по мысли Григория Богослова, дерзко пожелал взойти на степень созерцания, как бы силой похитить тайны Боговидения для того, чтобы стать богом, богом без Бога, свободным властителем своего бытия без Того, Кто дал ему это бытие.

Библейское повествование о нарушении Адамом воли Божией является повествованием о повторении греха сатаны. Сатана, залюбовавшись своей тварной, ангельской красотой, решил, что он – как Бог, что он равен Богу. Адаму райское древо представлялось неким талисманом, насильственно овладев которым, он хотел стать сразу же, тотчас же властителем всего мира и своего собственного бытия. Поэтому грех Адама также был грехом не человеческой слабости, а грехом богоборчества. В Библии написано, что в грехе Адама принимал участие «змей» (Люцифер). Змей – это бескрылый ангел; крылья ангельские – устремление Ангела к Богу. Этот Ангел ниспал в глубину вещественности и духовной тьмы. Он пресмыкается в веществе, пресмыкается по земле, находится под ногами, ниже других существ. Падший ангел

ведет беседу с Евой и употребляет не прямую ложь, а ложь самую страшную – полуправду. Он лжет, извращая повеление Божие. Он говорит: *Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?* (Быт. 3:1) и тем как бы расширяет объем запрещения Бога для того, чтобы представить Его перед людьми суровым Существом, Которое не хочет совершенствования человека.

Ева вступает в разговор со змеем, говорит, что Бог запретил вкушать лишь от одного дерева. Но семя недоверия к Богу уже посеяно в ее душе. Грех Евы в том, что она продолжает беседовать с темным духом, хотя знает его богоборческую сущность. У некоторых из древних мистиков, например у Филона, есть нравственное объяснение обольщения Евы и Адама. Не отрицая буквального смысла, он говорит так (образно, фигурально): «Ева – это чувства, Адам – это разум». Чувство обольстило разум. И потому в самих себе мы беспрерывно видим падение Адама. Видим, как наши чувства и страсти обманывают и пленяют наш ум, ввергают нас во тьму отчаяния и богоотступничества. Написано, что после нарушения Божественной заповеди *открылись глаза у них обоих, и узнали они...* (Быт. 3:7). Что же? Узнали, что они наги, что они без одеяния. Что это такое? Как надо понимать эти слова?

Святитель Иоанн Златоуст объясняет, что прежде люди не были наги в нашем смысле, они были одеты, но одеты не вещественной одеждой, а благодатью. От них исходили лучи

света, которые являлись самым дивным и прекрасным одеянием. Он говорит, что нельзя сказать, будто солнце голое, солнце нагое. Солнце одето нимбом своих лучей. Так люди, имея в себе благодать Духа Святого, были окружены ею не только невидимо, но и видимо. Их тела светились, подобно солнцу. И вот этот свет погас, и увидел Адам наготу свою и своей жены. Кроме того, во время грехопадения произошло извращение всех сил человеческой души. На языке аскетики мы обычно употребляем понятие трехчастности естества человека: дух, душа и тело. Надо знать, что душа отличается от тела субстанционально, то есть природно, а от духа не субстанционально, но функционально, то есть по своим действиям. Под силами духа, под его способностями обычно подразумевают внутренний логос, внутреннее слово, внутренний разум. Истинное познание духа – это и есть познание Божественных идей. Затем – религиозное чувство, чувство присутствия Бога, чувство общения с Богом, это на нашем языке – религиозная интуиция, свидетельством которой мы не только удостоверяемся в бытии Бога, но и ощущаем, переживаем Его, чувствуем свой контакт и связь с Ним. Это чувство до грехопадения находилось на степени духовного видения, а затем оно осталось в душе как возможность религиозного переживания. Оно пробуждается благодатью Божией и стремлением самого человека.

Силы души, по святым Отцам, тройственны. Это интеллект – наш рассудок, позволяющий нам логически мыслить

через внешнее слово; затем – мыслить представлениями и определенными образами (визуальными, слуховыми и т. д.). Только в соединении с умом (духом) наш интеллект может не просто фиксировать внешние явления, но и постигать идеи и взаимосвязь вещей и явлений. Вторая сила души – вожеление. До грехопадения это была сила, которая влекла человека к Божеству. После грехопадения она превратилась в жажду удовольствия, и поэтому теперь это двоякое чувство – наслаждения или неудовольствия. Третья сила – тимос. Тимос являет собой энергетическую часть души, как бы саму реактивность души. И здесь после грехопадения произошла деформация и перерождение. Тимос превратился в страстное влечение, ненависть и гнев. Особенно проявляется тимос (в падшем состоянии) как чувственная любовь или как гнев и раздражительность.

После грехопадения произошел распад, отдаление сил духа от сил души, сил души от тела. В то же время – распад сил в самом духе и в самой душе. Прежде всего в Адаме погасла любовь к Богу. Бог перестал быть для Адама содержанием, целью и внутренним фактом его жизни. Бог стал мыслиться как внешняя сила, к тому же, сила грозная, карающая, неумолимая. И поэтому Адам хочет скрыться в кусты, думает бежать от Бога. В этом видно и помрачение его разума. Прежде Адам обладал великой мудростью, в большей степени, чем кто-либо из его потомков. Он называл именами существа, обитающие на земле. Святые Отцы говорили: «на-

звать имена» – значит знать главные свойства этих существ. Поэтому перед Адамом весь космос был открытой книгой, которую он читал. А после грехопадения ум его настолько извратился и затемнился, что он уже мыслит Бога в физических, материальных категориях, хочет скрыться от Него.

Господь призывает Адама к покаянию, но вместо покаяния он и Ева оправдываются и сваливают вину на падшего ангела и в конечном итоге – на Самого Бога. Поэтому Бог изгоняет их из рая. До грехопадения Адам был в раю, и рай был в Адаме. Рай в Адаме – это Божественная благодать, это соединение его души с Духом Святым. Адам лишился внутреннего рая. В Библии написано: ... *а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2:17). Физическая смерть – это разлучение души и тела, а смерть духовная – разлучение души и Бога; поэтому в день преступления Адам духовно умер. Он жил, но в духовном отношении был как труп, как гниющее тело мертвеца.

Почему Господь изгнал Адама из рая? Чтобы наказать его? Но можем ли мы говорить об этом как о наказании, о действиях Божиих – лишь как о законе причины и следствия? Нет. Изгнание Адама из рая было проявлением любви Бога к праотцам. Адам потерял внутренний рай, присутствие Бога не радовало, а мучило его. Если бы Адам находился в раю, то сам рай стал бы для него вечным, неиссякающим мучением, вечным напоминанием о том, что он поте-

рял. Он еще мучительнее чувствовал бы потерю благодати Божией. Здесь – ключ к разрешению одного вопроса: почему Господь допускает существование ада? Почему Господь не простит и не возьмет всех грешников снова в Царство Небесное? Именно потому, что если бы Господь взял человека, внутренне неспособного к Богообщению, в Царство Света и Благодати, то этот человек оказался бы подобен тому, кто находится возле берега реки и не может пить из нее воду. Он мучился бы еще больше, еще страшнее. И поэтому некоторые из богословов говорят о том, что адские муки – это последняя милость Божия грешнику, чтобы он в физических страданиях забылся от самых ужасных, самых страшных – духовных мук.

Согласно библейскому повествованию, Господь взял шкуры животных и сделал для человека одежду.

Святитель Григорий Нисский также видит в этом определенные символы того, что после грехопадения человека изменилась не только его душа, но и само тело, оно стало более грубым, более косным, более вещественным, уплотненным. Иные видят в этом реальность нашей земной жизни, жизни оземленной, страстной, чувственной. Адам, пережив смерть своего сына (первый сын первого человека убил своего брата), воочию увидел, как грех рождает смерть. Адам понял, что в мистическом значении он убил своего сына, что он повинен в страданиях будущего человечества, в тех потоках крови и слез, которые залиют всю землю. Адам начал свое

покаяние, которое стало главным содержанием его продолжительной земной жизни. По церковному преданию, вместе с ним молился и возносил его молитвы к Богу Архангел Уриил.

Так же и для нас покаяние должно стать главным делом жизни, ведь оно – единственный путь, который ведет падшего человека к Создателю. Если до грехопадения центром всей духовной жизни человека была любовь к Богу, то теперь мы вышли из этого центра. Он потерян для нас. Теперь для нас существует другой центр духовной жизни – покаяние. Время Великого поста, пред которым Церковь воспоминает Адамово изгнание, – преимущественно время покаяния. Святитель Иоанн Златоуст пишет, что если в сердце человека есть покаяние, то он жив, а если нет, то он мертвец.

Без покаяния душевный образ человека переходит в безобразность. Наша душа, без покаяния заключенная в страсти и самость, подобна тлеющему трупу. Единственный путь от земли к Небу, единственный путь человеческой души к Богу – это слезы покаяния. Покаяние – это эмоциональное самопознание, познание и отвержение себя, какие мы есть, для того, чтобы нас восстановил и преобразил пришедший на Землю Господь. Все мы виноваты друг перед другом и все мы виноваты перед всем человечеством. Вы спросите: «почему я виноват перед другими людьми?» Но грех не может быть достоянием одного человеческого сердца. Грех зарождается в сердце, затем он переходит на уровень представле-

ний и мыслей, затем осуществляется через слово или дело. Но если даже грех останется в сфере чувств и мыслей, он будет эманировать, излучаться из самого человека.

Вы знаете, как легко бывает в присутствии некоторых людей – точно вы прикоснулись к генератору какой-то силы и сами почувствовали после этого силы обновления. Присутствие других, наоборот, бывает для нас тягостно. После беседы и общения с ними мы чувствуем себя совершенно опустошенными. Так не только наши дела, но и наше эмоциональное состояние, наши мысли невидимо «излучаются». Грех, образно говоря, – страшное радиоактивное излучение, которым мы отравляем не только себя и окружающих нас, но и весь космос. Мы грешим всегда, поэтому покаяние должно быть постоянным нашим чувством, нашим постоянным делом.

О молитве

Тайна приближения к Богу

Чем отличается идеалистическая философия от религии? Идеалистическая философия – это обоснование существования и первичности абсолютного духа посредством логических суждений, то есть попытка рационально обосновать сверхрациональное бытие. Как и все философские системы, идеализм основан на постулате, то есть недоказуемом основании, которое принимается на веру, но на веру не в религиозном значении, а в смысле определенного допущения. Затем на недоказуемом постулате уже путем логических суждений строится все здание системы. Но чем в сущности религия отличается от философии, если даже философия поставила своей задачей обосновать идею существования Божества? Отличие в том, что религия – это стремление войти в общение с Божеством. Бог для религии – это не абстрактная идея, не гипотеза с высокой степенью вероятности, как в

идеалистических философских системах. Бог для религии – это внутренний факт человеческой жизни. Бог для религиозного человека – это главный стержень бытия, начало и конец жизни. Какая главная характерная черта в религиозном человеке? В чем более всего обнаруживается его религиозность? Религиозного человека характеризует прежде всего **молитва**, личностное обращение к Богу.

У некоторых людей, находящихся под влиянием восточных мистических и оккультных систем, понятие религии сведено к понятию медитации, то есть размышлению или обращению человека к самому себе. Эти системы рассматривают молитву как определенное самовнушение. Получается, что субъектом и объектом молитвы является сам человеческий дух, что молитва – это как бы определенная идея или определенное суждение, которые человек должен усвоить. В сущности, материалисты почти так же объясняют молитву – как вид самовнушения. У некоторых возникает сомнение: для чего нужна молитва? Ведь Бог – это Дух, Абсолют, следовательно, Дух, имеющий полное всеведение. Бог знает лучше нас все наши нужды. Что же мы можем открыть Ему? Бог всеумудр и всеблаг. Чего же мы должны просить у Него? Следовательно, считают они, молитва вообще не нужна. Она может быть лишь плодом нашего неправильного представления о Божестве как о существе несовершенном, действия которого мы должны корректировать своей собственной молитвой. Но молитва – это всецелая обращенность души к Бо-

гу. Молитва – это тайна Богопознания, тайна Боговидения. У святых Отцов человек назван словесным существом. Через слово молитвы человеческая душа обращается к Богу. Молитва – это не информирование Бога о наших нуждах. Молитва – это условие, при котором Божественная сила может соприкасаться с нашим духом и действовать в нас. Бог всеведущ и знает нас лучше, чем мы сами. Он знает все Свои создания и будущее, как настоящее.

Но всеведение Божие без нашего личного участия знает нас как некий предмет мироздания. А посредством молитвы – самораскрытия в молитве – мы входим в иные отношения с Богом, отношения личностные, когда человек – существо смертное, ограниченное, слабое и греховное, но существо личностное, – ведет беседу с Существом абсолютным, бессмертным и всеблагим. Здесь – тайна, тайна приближения человека к Богу. Здесь начинается то, что святые Отцы называют обожением человека. Здесь совершается тайна преобразования человека как образа и подобия Божия.

Человек молится не только для того, чтобы получить от Бога некие внешние блага, хотя и это имеет место, потому что земная жизнь ставит на нашем пути много преград, которые можно успешно преодолеть лишь с помощью Божией. Но не в этом главное. Главное в том, что в процессе самой молитвы человек получает намного больше, чем блага всего мира. Он получает залог благодати Божией, то есть полагает начало Богообщению – тому процессу, который будет про-

должаться в вечности и не окончится никогда. Говоря образно, несколько грубо, в молитве человек получает Самого Бога. Это первое. Второе: молитва есть реализация любви человека к Богу. Это – определенный барометр нашей духовной жизни. Как каждому из нас внутренне необходимо быть вместе с любимым человеком, общаться с ним и, так сказать, дышать одним воздухом, так и для души, любящей Бога, необходима молитва; душа стремится к общению с тем, кого мы любим. В этом – один из самых важных психологических законов: закон духовной симпатии, закон соответствий. Если человек любит Бога, то он стремится к общению с Богом. И, стремясь к общению с Ним, сам изменяется и преображается в этом общении по подобию Божию. Здесь идет важнейший мистический процесс – уподобление человека Богу. Где нет молитвы, там Бог понимается человеком как некая объективная реальность. Однако могут существовать объективные реальности, до которых нам, в сущности, нет дела. Если человек не молится, то не может и жить по-христиански, и вера его мертва. Эта мертвая вера есть лишь некое мысленное допущение существования Высшей Силы. И это мысленное допущение не имеет в самом существе своем свидетельства и доказательства бытия Божия.

Какая разница между человеком верующим и неверующим? Предположим, верующий и неверующий имеют одни и те же внешние знания, одну и ту же информацию, один и тот же уровень образования. Но чем верующий человек

отличается от неверующего? Отличие в том, что верующий ощущает Бога, имеет свидетельство о бытии Божиим в собственном сердце, и это внутреннее свидетельство неотделимо от молитвы. Некоторые спрашивают: «Что нам делать, чтобы поверить в Бога?» Ответ прост: жить по заповедям Божиим и пребывать в молитве. Молитва дает душе человека реальное доказательство Божественного бытия. У нас есть самоочевидные доказательства существования внешнего мира: мы воспринимаем его через трансформированные образы наших органов чувств; мы воспринимаем его непосредственно как данность, реальность. И верующий человек так же непосредственно, как реальность, ощущает мир духовный, включенность себя в этот мир, свою внутреннюю связь – союз с Божеством – и постоянную зависимость от Божества. Именно этим верующий отличается от неверующего, хотя бы тот был по своим убеждениям идеалистом. Поэтому идеалист – тот, кто рассудочно допускает существование Бога, считает, что это наиболее вероятная теория – и все. А верующий чувствует и ощущает Бога. Идеалист размышляет о Боге; он может спокойно размышлять о Боге с папиросой в зубах, положив ногу на ногу. Что же касается верующего, то у него мысль о Боге вызывает чувство благоговения перед Творцом. У верующего человека образуется гармоничная связь между его духом и Духом абсолютным прежде всего через чувство благоговения.

В аскетике учение о молитве занимает огромное место. В

сущности, молитва – это сердце духовной жизни и ее пульс. Молитва – нервы человеческого духа. Если Церковь – мистическое Тело Христа – сравнить с организмом, то богослужение и молитва – это кровеносная система, которая питает каждую клетку этого организма; а клетки – это мы с вами. Вне молитвы с душой человека происходит то же, что и с омертвевшими клетками, например, при гангрене, когда к ним не поступает кровь и они погибают и отторгаются от живого организма. Поэтому человек в религиозном смысле жив лишь тогда, когда он молится. Если человек, совершающий добрые дела или даже занимающийся богословскими проблемами, надолго оставляет молитву, он теряет внутреннюю связь с Богом. Такой человек умирает духовно и постепенно превращается в духовный труп. Можно сказать, что из всех задач аскетики самой главной является научить человека непрестанной молитве, ибо это – и начало, и бесконечный конец духовной жизни. По словам святителя Иоанна Златоуста, молитва – это единение людей с Ангелами, единое занятие людей и Ангелов. Только здесь, на земле, молитва у нас имеет словесную форму, а молитва Ангелов – это нечто другое, это более непосредственное устремление их духа к Богу. В церковных богослужебных текстах мы часто встречаем именование Ангелов небесным хором, воспевающим величие Божие. Мы встречаемся с такими словосочетаниями, как «ангельское песнопение», «херувимская песнь». Что это означает? Святые Отцы говорят, что «ангельская песнь» –

это всецелая устремленность горних сил к Богу, пламенная любовь к Нему, пленение любовью Божией. В Апокалипсисе есть таинственные слова о четырех плененных Ангелах, и вот, некоторые из толкователей Священного Писания говорят о пленении Ангелов как о плене их любви к Богу, то есть они не могут оторваться существом своим – тем, что мы образно назвали бы мыслями и чувствами, от Бога. Это – некая высшая степень любви и Богообщения.

Наша молитва будет продолжаться и в вечности, но примет уже другую форму. У тех, кто удостоится участи спасенных, она сделается постоянным состоянием их души. Однако учиться молитве человек должен здесь, в этой временной жизни. Если верующий не разовьет в себе эту способность, то в будущей жизни, которая есть раскрытие того, что уже приобретено в земной, научиться молиться он не сможет. Тогда перед ним откроется зияющая пустота. Поэтому у святых Отцов мы находим такое изречение: «Самое высокое делание на земле – это Иисусова молитва: *“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”*».

Иисусова молитва представляет собой как бы концентрированное средоточие всех молитв. В ней мы исповедуем Бога своим Владыкой и Господином. Мы начинаем эту великую молитву со слова *«Господи»*. Это первое слово означает, что мы желаем быть рабами Божиими, то есть находиться в благом рабстве у Бога, Который дарует высшую свободу. Рабство Богу – это не унижение человека. Рабство Богу –

это возможность переходить во все более высокие состояния свободы. Рабство Богу – первое условие гармонии человека с Божеством и свобода от действительно унижительного рабства страстям и своему эгоизму, людскому мнению и диктату окружающей среды. Рабство Богу освобождает от этих рабств и делает душу истинно свободной. Рабство Богу – это добровольное подчинение человека добру. Но здесь рабство связано еще с сыновством, оно переходит в сыновство. Так учат святые Отцы. Однако, если мы не назовем Бога своим Владыкой и Господином, не посчитаем Его всеблагую волю обязательной для себя, то не сможем назвать Его своим Отцом, так как будем слишком далеки от Него – порабощенные бесчисленными страстями и грехами. Если мы не пройдем через рабство Богу, слово «Отец» будет словом совершенно фальшивым, лживым для нас.

Потом мы говорим «*Иисусе*». «Иисус» значит «Спаситель». В Иисусовой молитве мы называем, исповедуем Иисуса из Назарета своим единственным Спасителем. Не свой интеллект, не цивилизацию, не культуру, не других мнимых богов – будь то Кришна, Будда или кто-либо еще, а Иисуса из Назарета мы исповедуем своим единственным Избавителем, Спасителем и Испытителем, отверзающим для нас врата вечной жизни.

Далее слово «*Христе*». «Христос» значит «помазанник», обладатель всей полноты даров Духа Святаго. У преподобного Иоанна Дамаскина сформулировано учение о взаимном

проникновении Божественных Ипостасей Троиственного Бога. Отец абсолютен. Сын Божий абсолютен. Дух Святой абсолютен. Следовательно, три Абсолюта. Бытие трех Абсолютов должно быть взаимопроникновенным. Три Абсолюта не сливаются и не разделяются; само число «три» является не количеством, а образом Божественного бытия, и через жертву Христа Спасителя и Его Божественное учение человек может быть причастен благодати Духа Святого.

Затем в слове «Христос», или «Мессия», мы вспоминаем Голгофскую Жертву, которая искупила человечество от греха, проклятия и смерти. Но это мистическое искупление не стирает человеческой воли и оставляет за каждым из нас свободу выбора: принять, усвоить его или же отвергнуть. И в Иисусовой молитве мы просим Бога о том, чтобы Искуπιительная Жертва Христа, принесенная за весь мир, стала Его Жертвой и за наши повседневные, непрестанные грехи. Иисусова молитва – это сокращенное Евангелие и высшая христианская философия. Бог абсолютен. Божество неисчерпаемо. Иисусова молитва, содержащая в себе Имя Божие, также неисчерпаема человеческим духом. Если человек будет внимательно читать Иисусову молитву, то она станет раскрывать ему все новые глубины духовного мира и сама каждый раз будет произноситься по-новому. В Апокалипсисе сказано: *Творю все новое* (Откр. 21:5). Это новое можно понимать и как постоянную новизну отношения молящейся души к Богу. Но здесь, на Земле, человек предощущает эту

новую вечную жизнь в каких-то особых мгновениях, а в вечности он будет непрестанно приближаться к Божеству и воспринимать жизнь как поступательное движение к Нему, где каждое мгновение будет новым.

«*Сыне Божий*» – что это значит? (Некоторые афонские отцы так еще дополняли эту часть Иисусовой молитвы: «*Сыне и Слове Божий*»). Все, что имеет Отец, имеет и Сын. Слово Божие означает самовыражение Божества, подобно тому, как в слове выражается мысль. Сын и Слово Божие означает: через Сына Божия был сотворен мир. Слово Божие – это самовыражение абсолютной мудрости и любви Бога Отца. Затем «*Сыне Божий*» указывает на то, что сыновство, будучи личным свойством второй Ипостаси Пресвятой Троицы, проявилось также и в том, что Единородный Сын Божий стал Сыном Человеческим, Сыном Девы – Существом, во всем подобным нам, кроме одного – греха; то есть совершенный Бог стал совершенным Человеком. Святому мученику Иустину Философу задали вопрос: «Почему воплотился не Отец, а Сын?» И он ответил: «Для того, чтобы сохранить свойство Своей Ипостаси». Сын Божий рождается вечно от Отца, и здесь Сын Божий воспринял человеческую плоть, то есть по человечеству Он родился от Девы. Отец – это безначальное начало; Сын – безначальное рождение. Рождающийся в вечности родился во времени. Монахи, удалявшиеся в пустыню и занимавшиеся в безмолвии Иисусовой молитвой, становились мудрее тех, кто изучил все науки, всю

философию, все, что дала человеческая цивилизация и культура. Но Иисусова молитва – не для одних монахов. Монашество – это лишь наличие определенных условий для концентрации человеком своих духовных сил на Иисусовой молитве. Иисусова молитва – это заповедь, обращенная ко всем христианам. Каждый христианин должен стараться в сердце своем творить Иисусову молитву. Иисусова молитва зависит от нравственной и духовной жизни человека, но в той же, и даже еще в большей степени, она сама обуславливает нравственность и духовную жизнь христианина, если, конечно, совершается правильно, то есть с благоговением и покаянным чувством.

Некоторые говорят, что от Иисусовой молитвы можно впасть в прелесть. Святые Отцы это категорически отрицают. Они учат, что можно впасть в прелесть из-за своей гордыни, а не из-за Иисусовой молитвы. Человек может пронзить себя мечом, которым вооружен против врага. Но это не значит, что виноват его меч. Виноват он сам. Если христианин, еще не пройдя сквозь горнило покаяния, будет искать посредством Иисусовой молитвы каких-то духовных восторгов и мистических откровений, то он может впасть в прелесть. Но не из-за Иисусовой молитвы, а по причине ложной самооценки, потому что уверен в своей способности воспринять особые тайны и откровения Божии. Впадают в прелесть, как правило, самонадеянные из-за своего самомнения. Однако такие люди и без Иисусовой молитвы могут

также впасть в прелесть – при любом духовном делании.

«*Помилуй мя, грешного*». Святой Симеон Новый Богослов пишет: «Я сидел в углу келии и помышлял о своих грехах – бесчисленных, как морской песок, и только вопиял: “Господи, помилуй меня, прости меня!”». Мы все без числа согрешаем, и поэтому правильная молитва всегда основана на благоговении и покаянии.

Мы должны искать покаяния. Может быть, покаянное чувство как духовное переживание будет приходить к нам лишь очень редко и на какие-то немногие мгновения, но искать его мы должны.

В Иисусовой молитве надо испрашивать прощения своих грехов. Это – главное. А даст ли Господь остальное – это дело Его милости. Искать этого сами мы ни в коем случае не должны. Нельзя «программировать» молитву, как делают некоторые. Они думают, что в Иисусовой молитве им должно быть дано то или это, и затем выбирают как схему для внутренней самонастройки те состояния, которые описывают святые Отцы, имевшие совершенно иной образ жизни, чем мы. В Иисусовой молитве необходимо всегда стремиться к покаянию – оно, как и всякий дар Божий, дается во спасение при содействии Божественной благодати.

Святой Василий Великий на вопрос: «Надо ли продолжать молитву, если ты молишься невнимательно?» – отвечает, что невнимательность бывает разная: одна происходит от нашей слабости душевной, а другая – от небрежности.

Невнимательность от небрежности – это грех. Что же касается невнимательности от нашей слабости, то мы в этом отношении должны проявить свою волю. Не может еще молиться наше сердце, не может удерживать себя в словах молитвы наш ум, но мы должны продолжать молитву, как, скажем, некий труд. И тогда Господь за этот труд дарует нам в свое время внимательную молитву. Для нас необходимы этот труд и искание. Обычно то, что дается сразу и без труда, очень быстро теряется.

Если мы напрягаем свою волю, чтобы молиться не рассеянно, но молитва рассыпается сама, то есть Господь как бы отступил от нас и благодать не помогает, нельзя бросать молитву или ждать какого-то особенного молитвенного чувства. Наоборот! Мы должны трудиться и трудиться. Если же мы молимся с душевным расслаблением, по-фарисейски, только лишь для того, чтобы исполнить правило, как бы «избавиться» от молитвы, то такая «молитва» лицемерна и является оскорблением Бога.

Господь смотрит на наше произволение. Есть у нас желание молиться достойно – значит, молитва наша достойна, хотя бы внешне нам и казалось, что мы не молимся. Если этого желания мы не ощущаем, то, по крайней мере, молитва должна быть для нас определенным волевым актом. Если есть определенный волевой акт, направленный на приобретение молитвенного внимания и борьбу с рассеянностью, то мы дали Богу, что имеем. Евангельская вдовица принес-

ла две лепты, и Господь похвалил ее. Может быть, усилие нашей воли будет этими двумя лептами, хотя бы наши ум и сердце и не могли еще возвыситься до Бога. Ибо это внутреннее движение, внутреннее усердие – действительное качество нашей молитвы.

В благодатной молитве благодать Божия присутствует и действует явно. Но такая молитва не всегда служит критерием духовного достоинства человека. Иногда Господь дарует благодатную молитву в самом начале нашего пути, когда мы еще младенчествуем духовно. Делается это для того, чтобы верующий как бы ощутил и увидел то, что ожидает истинно усердного и преуспевающего молитвенника. А потом Господь как бы отдаляет от нас благодать, чтобы мы прилагали свой собственный труд. И это вовсе не значит, что мы опустились на более низкую духовную ступень. Просто наша духовная жизнь вступила в иную фазу.

Сокровище, которое всегда при нас

В Библии есть таинственный образ человека, борющегося с Богом. Ветхозаветный патриарх Иаков возвращался из Месопотамии в Палестину. Его ожидала месть брата Исава. Как бы призрак смерти стоял перед глазами Иакова. И вот ночью с Иаковым случилось странное, загадочное происшествие: он увидел таинственного Незнакомца и вступил с Ним в борьбу.

В первой книге Моисея мы читаем: ***И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал (ему): отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал (ему): отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи (мне) имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? (оно чудно). И благословил его там*** (Быт. 32, 24–29).

Что означает этот случай? Для многих он непонятен и вызывает лишь недоумение. Как может человек бороться с Богом? Или – так крепко заключить в своих объятиях Бога, что всесильное Божество не может вырваться из его рук? И почему Иаков говорит Тому, с Кем он боролся: ***Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня?*** Святые Отцы объясняют, что здесь символически, в иносказательных образах говорится о глубокой, сердечной молитве – молитве, которая становится победоносной. В такой молитве человек как бы так же охватывает своими руками Бога, как борец охватывает борца. Молитва – это та великая сила, которая удерживает наказание Божие, заслуженное человеком. Молитва, если можно так выразиться, – это та великая сила, которая побеждает самый Промысл Божий, а точнее – входит в него.

Борьба, которую Иаков вел с Богом всю ночь, означает молитву покаяния – молитву с глубокой ночи до рассвета. Эта молитва, исходившая из глубины сердца, достигла Божества. Всемогущий Бог, Который превышает всего и проникает во все, а Сам пребывает непостижимым для сотворенных Им существ, этот Бог являет Себя пленником молитвы, показывая тем самым, какая великая, могучая сила находится у человека. Эта сила – молитва пламенного покаяния.

Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. Молитва Иакова – молитва пламенной веры и надежды. Иаков говорит как бы так: «Я не перестану молиться, хотя бы дух мой разлучился с телом во время молитвы. Я не оставлю молитвы, пока Ты не исполнишь ее». Бог касается бедра Иакова. Что это значит? Святые Отцы объясняют, что бедро является символом чувственности человека. Поэтому здесь иносказание: человек должен владеть своей чувственностью. Эту же мысль святые Отцы выражают так: «Отдай кровь и примешь дух». Человек должен побеждать, поработать свои страсти. Это – одно из условий молитвы.

Молитва является самым мощным двигателем духовной жизни. Она являет собой те подземные воды, которые питают всю нашу духовную жизнь. Более того! Можно сказать, что сама духовная жизнь – это прежде всего степень нашей молитвы. Мы духовно живем в той мере, в какой молимся и умеем молиться. У святых Отцов молитва названа словом «художество». Художество означает самое высокое ис-

кусство, самую высокую науку, требующую от человека непрерывных творческих усилий, то есть непрерывной живой молитвы. Молитва лучше, чем что-либо другое, разрешает все задачи, которые ставит перед нами жизнь. В молитве человек находит разрешение всех своих проблем – как духовных, так и житейских. Молитва невидимо защищает человека от всех его врагов – видимых и невидимых. Если мы внимательно проследим свою жизнь, то увидим, что, когда обстоятельства казались безвыходными, никто не мог нам помочь и единственным нашим оружием была молитва, Господь неоднократно чудесно избавлял нас от беды, скорби. Но только на том свете, в вечности, мы узнаем вполне, от каких еще страшных опасностей, зол и несчастий охраняло нас наше молитвенное делание.

Молитва – это то достояние человека, которое не может отнять никакая внешняя сила. Молитва всегда с нами – не только лишь в этой земной временной жизни, но и в жизни загробной, вечной. В сущности, сама вечность как непрерывное движение человеческой души к Богу – это вид молитвы, но не словесной, а иной. Молитва изменяет человеческое сердце; открывает и пробуждает обычно спящие и неведомые нам самим сердечные силы. Молитва духовно обновляет наше сердце, делает его чутким и прозорливым.

В книге Притчей Соломоновых сказано: *Нечестивый желает уловить в сеть зла; ...но праведники прозорливостью спасаются* (Притч. 12, 12; 11, 9). Прозорливость

– это особая духовная интуиция; различение добра и зла, замаскированного и скрытого под личиной добра. Молитва отрывает душу от земли. Вне молитвы человек прикован к земле, как мифический Прометей к скале.

Молитва дает уму человека некую духовную способность. Это умение ощущать, чувствовать достоверность истины. Как человек чувствует вкус пищи, отличает сладкое от горького, здоровую пищу от испорченной, так и молитва дает уму особую способность чувствовать истину и ложь. Святые Отцы говорят о том, что молитва выше всех добрых дел. Все добрые дела, совершаемые человеком, ограничены определенными лицами, которым мы благотворим; иногда же это наше «добро» и вовсе не приносит другим настоящего блага и счастья. А сила молитвы простирается на весь Космос. Молитва людей и молитва Церкви – это та огромная гармонизирующая и очистительная сила, которая, можно сказать, сохраняет бытие всего Космоса. У апостола Павла есть такие таинственные слова: *тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь* (2Сол. 2:7). Что это за *удерживающий*, который не дает прийти на Землю олицетворению зла? Святые Отцы говорят, что эта удерживающая сила есть дух благочестия и прежде всего – дух молитвы. Когда иссякнет дух молитвы, видимый мир придет в состояние разложения и распада, ибо уже не будет силы, обновляющей его. Поэтому молитвенники, уходившие из мира в монасты-

ри и пустыни, и многие простые, незаметные, никому не ведомые в этом мире люди, достигшие путем многотрудного духовного подвига, напряжением всех своих сил непрестанной молитвы, – величайшие благодетели всего человечества.

Молитва – это сокровище, которое всегда при нас. Его не могут ни украсть, ни отнять. Молитва – это бесценное сокровище, которое всегда и везде с нами, куда бы мы ни пошли, чем бы ни занимались. Что бы ни случилось с нами – пусть бы даже мы лишились всего, что имеем, – нашу молитву не могут отнять у нас ни люди, ни демоны – ничто, кроме нашего собственного нерадения. Если даже все наше тело будет изъедено болезнью, молитва останется при нас как душа нашей души. Молитва выше любых богословских рассуждений, потому что все они лишь показывают нам путь. Богословские истины являют нам только тень Божества, описывают духовный мир как внешний объект. А молитва включает нас в этот невидимый духовный мир, делает его частицей. Молитва – прекраснее всего. Только в молитве мы можем соприкоснуться с горним миром и увидеть очами сердца небесную и Божественную красоту. Молитва – неисчерпаема. Для тех, кто старается слить с ней свое сердце, она всегда открывает что-то еще неизвестное, как будто мы совершаем ее в первый раз. Молитва основывается на надежде, однако она есть и исполнение надежды. В молитве мы реально соприкасаемся с тем, на что надеемся, то есть молитва как бы дает нам будущее, еще неосуществленное, в ка-

честве уже осуществленного и исполненного. Поэтому молитва опережает само время. Молитва – это блеск веры, тепло надежды, жизнь самой любви. Молитва внешнее делает внутренним. Духовные книги мы можем потерять, их могут украсть или сжечь. Болезнь может отнять у нас зрение, друзья – бросить, любимый человек – изменить, родные обмануть и стать чужими, мир – изгнать, небо – опалить огнем, земля – разверзнуться под нашими ногами, ночь – удушить страшными сновидениями, день – превратиться в тьму искушений и стать мрачной ночью. Одна молитва никогда не изменит нам. Только она есть наше неотъемлемое достояние.

Молитва не знает расстояния. Она проходит через моря и горы, возносится к небесам, проникает в глубь земли, нисходит в ад. Мы молимся об умерших, как о живых, и только молитва дает нам реальное ощущение того, что умершие живы и связаны с нами тысячами духовных нитей. Молитва – лик нашей души. Молитва – свет нашей души. Молитва – воскрешение нашей души прежде всеобщего воскресения. Молитва – это битва человеческого духа с силами ада, и в этой жестокой битве неизменный Помощник человека – Сам Господь. Молитва – бой, и молитва – победа. Молитва – оружие, и молитва – знамя. Молитва – сокровище неоскудеваемое и неизживаемое. И сколько бы мы ни пользовались этим сокровищем, оно будет лишь приумножаться. Молитва – духовный хлеб, которым мы питаемся сами и питаем других. Этот благословенный хлеб никогда не кончается.

Вращение духовных сфер

Молитва – это свободный акт человеческого духа, реализация той любви, которая некогда соединяла человека с Богом. Золотая цепь этой любви была разорвана, разрушена человеческим грехопадением. Молитва есть восстановление прежней связи человеческого духа с Божественным Абсолютным Духом – связи, которая существовала у первозданных людей. Молитву, как мне кажется, можно представить и описать только через определенные аллегории и образы. Логически её разобрать невозможно, так как сама молитва намного глубже, чем аналитическое, рассудочное мышление. Следовательно, если мы даем какую-нибудь логическую, философскую интерпретацию молитвы, то, в лучшем случае, можем указать лишь на некоторые внешние ее проявления. А глубинная сущность молитвы всегда будет ускользать от поверхностного, рассудочного мышления.

Наша жизнь – странствование по огромной пустыне. Для истинного христианина этот мир кажется пустым. Здесь он внутренне одинок, его не понимают, его слова не встречают отклика в душах других людей. Непонятый, утомленный и часто отвергнутый миром христианин может излить душу в молитве к Богу. Молитва дает ему истинное свидетельство, истинное удостоверение в том, что он в этой огромной пустыне не одинок, что с ним Бог. В молитве человек укрепля-

ет свои силы. Вне молитвы человеческая душа ослабевает и духовно гибнет. Поэтому молитву можно сравнить с источником проточной, чистой, живой воды. И уставший в мирском странствовании путник утоляет этой живоносной водой свою жажду. Но это не просто источник, из которого пьет он сам. Если в сердце человека водворится непрестанная молитва, случается великое чудо: Он становится источником живой воды для других.

Люди, ищущие Бога, невольно тянутся к тому, в чем сердце течет молитва. Пусть христианин скрывает свое духовное делание и вообще не говорит ни о чем духовном, но если в сердце его идет истинная, покаянная молитва, от него исходит некий духовный свет. Этот дивный свет не видим глазами. Но его может почувствовать каждый, кто ищет Бога. И поэтому многие простые монахи и даже миряне, внешне не отличающиеся ни образованием, ни красноречием, ни какими-нибудь обширными познаниями, в то же время, как магнит металл, притягивают к себе души людей. Народ окружает этих молитвенников, тянется к ним, как бы желая утолить около них жажду своей души; жажду, которую не может утолить ни плотская мудрость, ни земные знания, ни суетные наслаждения, ни мимолетные радости. Тот, кто имеет в своем сердце глубокую и непрестанную молитву, становится духовным источником, около которого люди, изнемогающие от тягот, противоречий, скорбей этой жизни, получают духовное утешение и укрепляют свои силы. Поэтому

му каждый священник прежде всего должен заботиться о том, чтобы в сердце его была молитва, заботиться больше, чем о приобретении внешних богословских познаний. Без внутренней молитвы философские и богословские познания пастыря мертвы и сердце человека не откроется для него. Пастырские наставления будут восприниматься лишь внешне, холодным умом. От холода исходит холод; холод нашего сердца не может зажечь огонь в сердцах других. Поэтому, как мне кажется, самый главный долг священника – это молиться за свою паству и за весь мир, непрестанно повторяя в своем сердце Иисусову молитву или же те молитвы, которые внутренне близки его душе.

Иисусова молитва – самая высокая и всеобъемлющая; но человек при желании может выбрать и другую краткую молитву, например, какие-нибудь стихи из псалма; некоторые постоянно читают *Отче наш*. Есть такие люди, которые проносят только два слова: «*Господи, помилуй!*», но при этом их сердца всегда обращены к Богу. Так что здесь не существует твердого и неизменного правила. Как хочет твоя душа, так и молись. Святитель Феофан Затворник говорил, что если человек читает молитвенное правило и сердце его раскрылось на какие-то слова молитвы, откликнулось на них с особой силой, то не надо спешить идти дальше, надо остановиться и дать своему сердцу напитаться этими словами. Когда же оно насытится, человек почувствует сам; тогда уже пусть читает он молитвы дальше.

В мире есть много ценностей, и иногда они заставляют нас забывать о молитве. Но проходит время, и мы видим, что эти ценности превращаются в мусор и прах; и единственное реальное сокровище, которое может приобрести человек, — это молитва. Действительно, если мы окинем мысленным взором всю свою жизнь, то увидим, что истинной жизнью нашего духа были лишь те немногие мгновения, когда мы пребывали в молитве. Так, например, молитва перед чудотворной иконой или внутренняя молитва, когда благодать коснулась сердца, воспринимается нами как истинная жизнь, а все остальное по сравнению с ней — какой-то серый сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.